

ЮРИЙ ШИБЛЕВ

КОНТУР

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРОСВЕТ

18+

Юрий Шиблев

**К. О. Н. Т. У. Р. Книга
третья: Просвет**

«Автор»

2026

Шиблев Ю.

К. О. Н. Т. У. Р. Книга третья: Просвет / Ю. Шиблев — «Автор»,
2026

Он вошёл во врата. Чтобы спасти её. Чтобы закончить войну. Чтобы узнать правду. «Просвет» — финал трилогии «К.О.Н.Т.У.Р.». Тьма ждёт. Время пришло.

© Шиблев Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Шиблев

К. О. Н. Т. У. Р. Книга третья: Просвет

Глава 1.

Миша стоял у самого края пролома — там, где воздух дрожал и плавился, как над раскалённым асфальтом. Воронка уходила вниз, в темноту, и у этой темноты не было дна. Он смотрел в неё и чувствовал, как АС-2 в груди сжимается — не от боли, а от странного, почти забытого чувства. Так прибор вёл себя только однажды. На сотом этаже Гигахрущевки.

Теперь Проводник остался позади. Он не мог войти — его чип был слишком слаб, его тело слишком изношено переходами. Он стоял у стены реакторного зала. Он был настоящий. Уставший. Смотрел на Мишу и молчал.

Анна стояла рядом — невидимая для Проводника, но Миша чувствовал её присутствие, как чувствовал всегда. Тепло. Лёгкий цветочный запах. Она молчала. Всё уже было сказано там, в Заслоне-4. И здесь, у врат, слов не осталось.

—

Я вернусь, — сказал Миша. Он не обернулся. Он знал, что они слышат.

И шагнул.

Темнота сомкнулась мгновенно. Не как вода — вода обволакивает, принимает, даёт привыкнуть. Здесь было иначе. Темнота ударила со всех сторон, она была плотная, вязкая, абсолютная. Миша замер. Он ожидал перехода — вспышки, толчка, чувства падения. Ничего. Только мрак. И тишина.

Он сделал шаг. Под ногой что-то было — твёрдое, ровное. Пол? Земля? Он не мог понять. Он сделал ещё шаг. Звук, глухой и короткий, утонул в темноте, не вернувшись эхом. Как будто само пространство поглощало звуки, не давая им жить.

АС-2 пульсировал ровно. Тик-так. Тик-так. Прибор работал. Он ждал. Но что-то изменилось. Миша прижал ладонь к груди и почувствовал: пульсация стала мягче. Не слабее, а именно мягче. Как будто прибор наконец оказался в среде, для которой был создан. Как будто он был дома.

Он двинулся вперёд. Медленно, наугад. Руки вытянуты, шаг короткий. Он ничего не видел — ни стен, ни пола, ни потолка. Только темнота. Одинаковая во всех направлениях. Она была густой, почти осязаемой — как плотный туман, который не пах и не звучал. Он провёл ладонью перед лицом, но не смог увидеть пальцев. Поднёс руку к самым глазам, тоже самое.

Он пошёл дальше.

Время в темноте текло иначе. Он не мог сказать, сколько прошло — минута или час. Шаги не считались. Расстояния не имели смысла. Он просто двигался вперёд, потому что стоять на месте было невыносимо. Потому что в этой темноте неподвижность означала смерть — не физическую, а какую-то другую. Смерть воли. Смерть цели. Смерть себя.

Он думал об Анне. О их первой встрече в отделе, о её нежной улыбке. О ее странной, но в тоже время невинной и родной привычке снимать туфли при каждом удобном случае. О том, как он сказал ей: «Можно просто Миша». О их первой ночи. О ночи в сарае. О её теле там, в хранилище — за стеклом, покрытым инеем. Он думал об отце. О том, как тот держал его за руку перед смертью. О том, как сказал: «Ты был лучшим из нас». Он думал о Саше. О его письмах мёртвой сестре. О том, как тот шёл к двери с цифрой «17» — быстро, почти бегом, не слушая приказов. О том, как захлопнулась дверь. Мертвые и живые строем воспоминаний проносились у него в голове.

Все они теперь зависели от него. И он не имел права остановиться.

АС-2 пульсировал ровно. Единственный звук в этой бесконечной тишине. Миша начал считать шаги. Сто. Двести. Пятьсот. На тысяче сбился. На двух тысячах перестал. Цифры не имели значения. Важен был только ритм. Ритм не давал остановиться. Ритм вёл вперёд.

А потом темнота заговорила.

Сначала он не понял, что это. Просто в тишине появился звук — тихий, далёкий, неразборчивый. Как будто где-то очень далеко включили радио. Миша остановился. Прислушался. Звук не исчез. Он стал громче. И в нём появились голоса.

Их были десятки. Сотни. Они звучали одновременно — мужские, женские, детские, старческие. Они говорили на разных языках — Миша не понимал ни слова, но различал интонации. Радость. Гнев. Страх. Любовь. Мольба. Голоса переплетались, как нити в ткани, и эта ткань дышала. Она жила.

Миша сосредоточился на одном голосе. Женский. Молодой. Она что-то шептала — быстро, сбивчиво. Молитву? Признание в любви? Проклятие? Он не мог разобрать слов, но чувствовал: это важно. Это кому-то важно. Там, откуда пришёл этот голос, кто-то любил, боялся, надеялся. Жил.

Голос исчез ровно так же внезапно, как и появился. Его сменил другой. Мужской, низкий, хриплый. Он не говорил — пел. Низкую, тягучую мелодию без слов. В ней была тоска, истинно глубокая, древняя, как сама эта темнота. Миша слушал и чувствовал, как внутри что-то отзывается. Что-то, что было старше его самого. Что-то, что жило в нём с тех пор, как ему установили АС-2. Или ещё раньше. С тех пор, как он держал за руку умирающего на крыше реактора.

Он открыл глаза — и увидел свет.

Вдалеке, в крошечной тьме, горели огни. Маленькие, круглые, как шары. Они висели в пустоте — одни выше, другие ниже, одни ближе, другие дальше. Их были десятки. Сотни. И в каждом шаре что-то двигалось. Как в экране телевизора. Как в окне.

Миша сделал шаг вперёд. Огни не приблизились. Он сделал ещё шаг — то же самое. Расстояние здесь не имело значения. Но он знал: если идти достаточно долго, он дойдёт. Он всегда доходил.

Он выбрал один шар — тот, что казался ближе других, — и двинулся к нему.

Тишина сменилась гулом голосов. Теперь они звучали не из ниоткуда — они исходили от шаров. Каждый шар был голосом. Каждый голос был миром. Миша шёл сквозь этот гул, и ему казалось, что он идёт по бесконечному коридору, стены которого сложены из чужих жизней. Из чужих надежд. Из чужих смертей.

Он приблизился к шару. Тот висел в пустоте — идеально круглый. Внутри что-то мерцало — не свет, а скорее движение. Как будто там, за тонкой плёнкой, существовал целый мир. Но этот мир не был тёплым. От шара не исходило тепла. Только ожидание.

Миша протянул руку. Пальцы коснулись поверхности.

Темнота внутри шара дрогнула. Что-то шевельнулось — и Миша вдруг понял, что это не картинка. Это отражение. Его собственное. Но другое. Лицо было его — те же глаза, тот же нос, тот же шрам над губой. Но взгляд — чужой. Пустой. Как будто кто-то смотрел через его лицо, используя его как маску.

—

Ты пришёл, — произнесло отражение.

Голос был его собственным. Но слова — нет. Они звучали иначе. Медленнее. Тяжелее. Как будто каждое слово падало в воду и тонуло.

—

Кто ты? — спросил Миша.

—

Ты знаешь.

Отражение улыбнулось. Улыбка была его — но растянулась шире, чем позволяли мышцы. Слишком широкая. Слишком неподвижная. Как у мимика. Как у той твари в метро.

—

Я — это ты, — сказала отражение. — Твоя память. Твоя боль. Твоя тень. Ты носишь меня в себе с тех пор, как вернулся из Гигахрущевки. С тех пор, как тебе стёрли память. Ты думал, что стал чистым листом? Нет. Тёмное осталось. Всегда остаётся.

Миша отдернул руку. Шар погас. Отражение исчезло. Он стоял в темноте, тяжело дыша. АС-2 в груди пульсировал часто, неровно. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Это все было игрой. Темнота говорила с ним. Принимала разные обличья, чтобы понять, на что он реагирует. Что его пугает. Что его манит. И он попался.

Он выпрямился. Дыхание выровнялось. АС-2 успокаивался. Он был в ожидании и был готов.

Миша двинулся дальше. Он не знал, сколько ещё идти. Не знал, что ждёт его в следующем шаре. Но теперь он знал: темнота следит за ним. Изучает. Играет. И он будет играть в ответ. Пока не поймёт правила.

Темнота не кончалась.

Он шёл уже долго — он не знал, сколько. Час? Два? Сутки? Время в этой пустоте не имело смысла. Оно не текло — оно стояло, как вода в болоте, и он двигался сквозь него, не оставляя следа. Шаги не звучали. Дыхание не отражалось эхом. Только АС-2 в бился в груди и напоминал, что он ещё жив. Что он ещё здесь.

Голоса вернулись не сразу.

Сначала был шёпот — тихий, как ветер в сухой траве. Миша остановился. Прислушался. Шёпот не исчез. Он стал громче, отчётливее. В нём появились слова. Обрывки фраз. Интонации.

—
...не уходи...

—
...ещё рано...

—
...посмотри на меня...

—
...где ты?..

Голосов было много. Они наслаивались друг на друга, перебивали, затихали и возникали снова. Миша слушал, как слушают шум моря — не пытаясь выделить отдельную волну, а просто принимая весь поток целиком. И постепенно из этого потока начали проступать лица.

Не реальные лица — образы. Вспышки. Мужчина в военной форме, кричащий в радиопередатчик. Женщина с ребёнком на руках, стоящая на коленях посреди пустой улицы. Старик, который сидит на пороге дома и смотрит в небо — просто смотрит, ничего не говорит. Девочка, которая бежит по полю и смеётся. Смех — звонкий, залиvistый — перекрывает все остальные голоса, а потом обрывается. Тишина.

Миша открыл глаза. Он понял: это не просто голоса. Это эхо. Эхо миров. Эхо жизней, которые были прожиты там — за шарами. Или которые ещё живут. Или которые вот-вот начнутся. Он не знал. Но он чувствовал: каждая вспышка — это чья-то боль. Чья-то радость. Чья-то последняя мысль перед тем, как темнота сомкнулась.

Он пошёл дальше. Голоса сопровождали его, как хор. Они то взлетали, то затихали, и в их ритме была своя музыка. Страшная. Чужая. Но музыка.

А потом появились огни.

Сначала Миша подумал, что это звёзды. Маленькие, далёкие, они мерцали в темноте — одни ярче, другие едва заметны. Но звёзды не висят так низко. Звёзды не пульсируют в такт. Звёзды не зовут.

Он остановился. Огни вернулись и их было много — десятки, может быть, сотни.

Миша сделал шаг к ближайшему. Тот висел чуть выше уровня глаз — идеально круглый, как мыльный пузырь. Но внутри была не пустота. Внутри шёл дождь. Серый, осенний, мелкий. Он барабанил по крышам невысоких домов, стекал по стеклу, размывал очертания улицы. Миша видел эту улицу — мокрый асфальт, голые деревья, одинокий фонарь. Где-то далеко лаяла собака. Где-то играло радио. И люди — две фигуры под одним зонтом — шли, прижавшись друг к другу, и не знали, что на них смотрят.

Шары висели повсюду. Одни были тёмными — едва тлели, как угли в прогоревшем костре. Другие горели ярко, переливались, звали. В одном Миша увидел море — бесконечное, синее, с белыми барашками волн. В другом — лес, залитый солнцем, и двух детей, бегущих по тропинке. В третьем — комнату, залитую жёлтым светом, и старуху, которая вязала, сидя в кресле. Она подняла голову и посмотрела прямо на него. Миша вздрогнул. Старуха улыбнулась — беззубо, по-доброму — и вернулась к вязанию.

Он шёл мимо. Он не знал, что будет, если коснуться тёмного шара. Может быть, ничего. Может быть, смерть. Может быть, что-то хуже смерти — вечное зависание в пустоте, где нет ни звука, ни света, ни себя. Он не хотел проверять.

Он выбрал тот, что светился теплее других.

Этот шар был больше остальных — размером с арбуз. Он висел низко, на уровне груди, и от него исходило тепло. Не физическое — Миша не чувствовал его кожей. Но внутри, под рёбрами, АС-2 отозвался. Сжался — мягко, почти ласково. Как будто узнал что-то. Как будто его позвали.

Миша подошёл ближе. Внутри шара что-то двигалось — не картинка, а скорее тень. Размытый силуэт. Человек? Или что-то похожее на человека. Он не мог разобрать. Он стоял и смотрел, и чем дольше смотрел, тем яснее понимал: этот шар не показывает. Он ждёт. Он хочет, чтобы его коснулись.

АС-2 сжался снова. На этот раз — сильнее. Почти как предупреждение. Но Миша не остановился. Он думал о тех, кто верил в него. Об Анне. Об отце. О Саше. О всех, кто ждал его возвращения. Он не имел права бояться. Даже если эта темнота — ловушка. Даже если этот шар — приманка.

Он протянул руку. Пальцы коснулись поверхности.

Вспышка.

Не свет — что-то другое. Удар по всем чувствам сразу. Запахи, звуки, цвета, вкусы, текстуры — всё обрушилось одновременно, как будто он из чёрно-белого немого фильма шагнул в цветное кино с объёмным звуком. Только цветов здесь было больше, чем он когда-либо

видел. Запахов — больше, чем он мог распознать. Он зажмурился, прикрыл лицо рукой и через секунду понял: это не боль. Это просто жизнь. Густая, концентрированная, чужая жизнь.

Он открыл глаза.

Он стоял на улице. Но это была не советская улица. Не Бархан-10. Не Чернобыль. Не Заслон-4. Всё вокруг было чужим — до дрожи, до спазма в горле. Здания уходили в небо, это были не советские серые пятиэтажки, а чёрные башни из стекла и металла, которые изгибались под невозможными углами. На стенах домов горели надписи — не русские, не английские. Символы двигались, перетекали один в другой, как живые. Между башнями, на разных уровнях, скользили машины — без колёс, без крыльев, оставляя за собой светящийся след. Воздух был влажным и тёплым, пах озоном, горячим металлом и чем-то сладковатым — не то фруктами, не то химией.

Люди. Они шли мимо — быстро, не глядя друг на друга. Одежда странная: гладкая, блестящая, обтягивающая. У некоторых были видны руки и лица — обычные, человеческие. Но у других Миша заметил вставки. Металлические пластины на висках. Провода, уходящие в кожу. Глаза, светящиеся тусклым синим. Он не знал, как это назвать, но понял: эти люди вжились в себя что-то. Что-то, что делало их больше, чем людьми. Или меньше.

Он стоял посреди тротуара, и его толкали. Никто не извинялся. Никто не смотрел на него. Он был чужим — в своём чёрном пальто, белой рубашке, красном галстуке. Пальто было слишком тяжёлым для этого климата. Галстук — слишком старомодным. Он выглядел как пришелец из прошлого. Что, в сущности, и было правдой.

АС-2 в груди сжался. Не от боли. От усилия. Миша почувствовал, как прибор тянет его — не назад, а куда-то вглубь. Как будто он бросил якорь и теперь этот якорь держал его здесь. Но держал слабо. Очень слабо. Он чувствовал: связь с темнотой, из которой он пришёл, истончается. Если он задержится — она порвётся. И он останется здесь. Навсегда.

Он огляделся. Нужен был кто-то, кто скажет хоть слово. Кто подтвердит: это не сон. Не галлюцинация. Он заметил человека, стоявшего у стены здания. Мужчина лет тридцати, в блестящей серой куртке, с металлической пластиной на виске. Он курил — не сигарету, а что-то другое. Тонкую трубку, которая светилась синим на конце. Дым был белым и пах мятой. Мужчина смотрел в маленький экран, который держал в руке, и что-то нажимал пальцами.

Миша подошёл.

—

Простите, — сказал он по-русски.

Мужчина поднял глаза. Обычные, карие, живые. Никакого синего свечения. Он посмотрел на Мишу без удивления. Скорее с лёгким любопытством.

—

Ты не местный, — произнёс он. Голос был ровным, без интонаций. Он говорил по-русски — чисто, без акцента. Слишком чисто. Как будто учил язык по учебнику.

—

Нет, — ответил Миша. — Я издалека.

—

Издалека, — повторил мужчина. Он затаился трубкой и выпустил облако белого дыма. — Здесь все откуда-то. Но ты — особенно. Ты пахнешь иначе.

—

Чем?

—

Статикой. Как после грозы. — Он чуть наклонил голову. — Ты прошёл через что-то. Что-то тёмное.

Миша промолчал. Мужчина снова затаился.

—

Далеко тебе? — спросил он.

—

Я не знаю. Я ищу якорь. Что-то, что держит меня здесь.

—

Якорь? — Мужчина впервые проявил эмоцию — лёгкую усмешку. — Ты говоришь как моряк. Или как поэт. Здесь нет якорей. Здесь только сети.

—

Какие сети?

—

Сети связи. Ты подключён? — Он показал на свою пластину на виске. — Нет. Вижу, что нет. Значит, ты свободен. Странно. Свободные здесь долго не живут. Они либо подключаются, либо исчезают.

—

Куда?

—

Не знаю. Говорят, в темноту. — Мужчина посмотрел на Мишу долгим взглядом. — Ты оттуда, да? Из темноты?

Миша ничего не ответил. Он чувствовал, как АС-2 пульсирует всё быстрее. Якорь слабел. Ему нужно было возвращаться. Немедленно.

—

Мне пора, — сказал он.

—

Знаю. — Мужчина кивнул и снова уставился в свой экран. — Если вернёшься — спроси Акиру. Меня зовут Акира. Я работаю в порту. Спроси любого — тебе покажут.

—
Спасибо.

—
Не за что. — Акира выпустил последнее облако дыма. — Ты интересный. Такие здесь редкость.

Миша сосредоточился на АС-2. Прибор сжался — сильно, почти до боли. Он почувствовал якорь — тонкую, дрожащую нить, связывающую его с темнотой. Схватился за неё мысленно, как хватаются за верёвку, брошенную с берега. И потянул.

Мир вокруг смазлся. Башни, машины, люди — всё превратилось в цветные полосы, которые закрутились в воронку. Последнее, что он увидел — лицо Акиры, поднявшего голову от экрана. Тот смотрел на него без удивления. Скорее — с пониманием. Он улыбнулся и отсалютовал Мише напоследок.

Вспышка. Тишина. Темнота.

Миша снова стоял в пустоте. Шар перед ним всё так же висел в темноте, но теперь он не был тёплым. Он был просто экраном. Просто окном. Просто дверью, которую он открыл и закрыл.

Он тяжело дышал. Руки дрожали. АС-2 пульсировал часто, неровно — как сердце после бега. Но якорь держал. Он вернулся.

Он стоял в темноте и думал о том, что только что видел. Другой мир. Не его. Не Проводника. Не тот, о котором рассказывал Степан Ильич. Совсем иной. И люди там — они не знают ни о каком заражении. Ни о каких вратах. Они живут своей жизнью, вживляют в себя машины и даже не подозревают, что где-то рядом, буквально рукой подать, существует темнота, которая связывает их мир с сотнями других.

И ещё он думал об Акире. О том, как тот сказал: «Ты пахнешь статикой». И о том, как посмотрел на него напоследок — с пониманием. Как будто видел таких, как Миша, раньше. Как будто знал, что такое темнота.

Миша выпрямился. Дыхание выровнялось. АС-2 успокаивался. Тик-так. Тик-так.

Он двинулся дальше. К следующему шару. К следующему миру. Или к чему-то ещё — он пока не знал, что ждёт его впереди. Но он знал: он узнает.

Потому что тьма смотрела на него. И ждала.

Глава 2.

Шар висел низко, на уровне груди. Он был крупнее остальных — это и привлекло внимание Миши — и от него исходило тепло. Не физическое, Миша не чувствовал его кожей. Но внутри, под рёбрами, АС-2 дрогнул очень мягко, почти нежно. Как будто узнал что-то. Как будто его позвали.

Миша стоял перед ним и думал. В прошлый раз он коснулся шара и оказался в мире, который не мог понять. Башни из стекла, люди с железом в головах, Акира с его мятной трубкой. Тогда якорь почти порвался. Тогда он едва вернулся.

Теперь перед ним был другой шар. Он светился ровно, спокойно. Внутри что-то двигалось — не картинка, скорее тень. Размытый силуэт. Человек? Или что-то похожее на человека. Он не мог разобрать. Но АС-2 узнал этот шар. И Миша знал: если прибор узнаёт, значит, там что-то важное.

Он протянул руку. Пальцы коснулись поверхности.

Вспышка.

На этот раз переход был мягче. Не удар, а скорее толчок. Как будто он шагнул с тротуара на проезжую часть и его качнуло. Миша открыл глаза.

Он стоял на улице. Но это была не та улица, что в прошлый раз. Никаких башен, никакого стекла, никаких летающих машин. Обычная улица. Советская? Нет. Что-то другое.

Дома были приземистыми, деревянными, с резными наличниками на окнах. Палисадники заросли сиренью и жасмином. Пахло нагретой на солнце пылью, сухой травой и чем-то сладковатым и родным, не то яблоками, не то мёдом. Солнце стояло высоко, и свет его был мягким и золотистым. Не осенним, не летним, а каким-то вечным. Таким, какой бывает только в детстве.

Улица была пуста. Но где-то далеко, за домами, слышались голоса. Детский смех. Женский окрик был не сердитый, а скорее заботливый. И звук молотка. Тихий, мерный, ритмичный. Кто-то что-то чинил.

Миша стоял и не мог двинуться с места. Он узнал эту улицу. Он узнал этот запах. Он узнал этот звук молотка.

Это было его детство.

Не то, которое ему внушили в Конторе. Не фальшивые воспоминания об Афганистане и матери, которой не существовало. Настоящее. То, которое у него украли. То, которое он забыл.

Он сделал шаг. Ноги были ватными. Сердце или АС-2? Это было не важно. Оно колотилось где-то в горле. Он шёл по улице, и каждый шаг отдавался в груди болью. Не физической. Другой. Той, для которой нет названия.

Дом стоял третьим от угла. Синие ставни. Крыльцо в три ступеньки. На перилах висело старое велосипедное колесо — он вспомнил это колесо. Он сам его повесил. Ему было десять, и он сказал отцу: «Это будет наш герб». Отец засмеялся и помог прибить.

Миша остановился у калитки. Рука легла на шершавое дерево. Он боялся открыть. Боялся, что если откроет, то всё исчезнет. Растает, как дым. Как сон.

—
Миша! — голос ударил в спину.

Он обернулся. По улице бежал мальчик. Лет семи, рыжеволосый, босой, в застиранной рубашке навывпуск. Он размахивал руками и смеялся. За ним, едва поспевая, бежала собака, простая серая дворняга с высунутым языком.

—
Миша, ты чего встал? Папка сказал, чтобы ты помог!

Миша смотрел на мальчика и не мог дышать. Это был Пашка. Его брат. Его младший брат, который погиб, когда ему было девятнадцать. Который полез на стройку по глупости и сорвался. Которого Миша не уберёт.

—
Ты чего? — Пашка остановился и нахмурился. — Ты какой-то странный. Опять с Витькой подрался?

Миша открыл рот, но не смог ничего сказать. Голос пропал. Он просто смотрел на брата, он был перед ним, живой, настоящий, с веснушками на носу и царапиной на коленке.

—
Ладно, — махнул рукой Пашка. — Потом расскажешь. Пошли, папка ждёт.

Он схватил Мишу за руку и потащил за собой. Ладонь была горячее, липкой от пота, настоящей. Миша чувствовал её — каждую косточку, каждую складку. Он шёл за братом, как во сне. Или как наяву. Он уже не различал.

Во дворе пахло стружкой и олифой. Василий Петрович, еще молодой, лет сорока, с густыми русыми волосами без седины, он стоял у верстака и строгал доску. Рубашка прилипла к спине. Рукава закатаны до локтей. На руках была уже вьёвшаяся древесная пыль и застарелые мозоли. Он поднял голову и улыбнулся.

—
А, явился. Где тебя носило?

Миша стоял и смотрел. Отец. Живой. Молодой. Смеётся.

—
Я... — начал он и осёкся. Голос был чужим. Хриплым. Взрослым.

Василий Петрович отложил рубанок и подошёл ближе. Положил руку на плечо — тяжёлую, тёплую, пахнущую деревом и табаком. Заглянул в глаза.

—
Ты чего, сынок? Случилось что?

Сынок. Он назвал его «сынок». Миша не помнил, когда в последний раз слышал это слово. В прошлой жизни. До всего. До Конторы, до заражения, до Гигахрушевки.

—
Нет, — выдавил он. — Ничего. Просто... задумался.

—
Задумался он. — Василий Петрович усмехнулся и потрепал его по плечу. — Ладно, философ. Бери молоток. Надо сарай подлатать, пока мать не запилила.

Миша взял молоток. Рукоять была гладкой, отполированной годами. Он помнил эту рукоять. Помнил, как отец учил его забивать гвозди — держи ровно, бей сильно, не бойся. Помнил, как первый раз попал по пальцу и не заплакал, потому что отец сказал: «Мужики не плачут». И он хотел быть мужчиной. Хотел, чтобы отец гордился.

Они работали до вечера. Пашка крутился рядом, подавал гвозди, путался под ногами. Собака лежала в тени и лениво отмахивалась хвостом от мух. Солнце медленно катилось к горизонту, окрашивая небо в розовый. Где-то в доме зажгли свет.

—
Мальчики! — голос матери донёсся из открытого окна. — Ужинать!

Миша замер. Молоток застыл в руке. Мать. Он не помнил её лица. В ложных воспоминаниях была другая женщина, совершенно чужая, размытая, без имени. Но этот голос, он узнал бы его из тысячи. Он слышал его во сне. Он слышал его в колыбельной, которая звучала в Гигахрущевке.

—
Пошли, — сказал Пашка и побежал к дому. Собака рванула за ним.

Василий Петрович отряхнул руки и посмотрел на Мишу.

—
Ты сегодня странный, — сказал он. — Но я рад, что ты здесь.

—
Я тоже, — ответил Миша.

Отец кивнул и пошёл к дому. Миша стоял ещё минуту, глядя, как гаснет закат. Он знал: это воспоминание. Он знал: это не навсегда. Он знал: темнота ждёт его. Якорь уже натянулся до предела, он чувствовал его, тонкую нить, связывающую его с пустотой. Она дрожала. Она звала.

Но он не мог уйти. Не сейчас. Он хотел увидеть мать.

Он вошёл в дом. В прихожей пахло пирогами и свежевывытым полом. На кухне горел жёлтый свет. Мать стояла у плиты, она была невысокая, светловолосая, в ситцевом фартуке поверх простого платья. Она обернулась на шаги и улыбнулась.

—
Мишенька. Садись. Я твои любимые испекла. С капустой.

Он сел. Стол был накрыт старой клеёнчатой скатертью с выцветшими розами. Точно такая же, как в его квартире в Бархане-10. Он помнил её, но просто не знал откуда. Теперь знал.

Они ужинали. Пашка болтал без умолку, с живым интересом, про соседского пса, про найденного в канаве ужа, про то, что Витька из третьего дома опять дразнится. Отец слушал, кивал, иногда вставлял короткие замечания. Мать подкладывала добавку. Миша ел. Пирог были горячими, с хрустящей корочкой. Он не чувствовал вкуса, только тепло. Тепло разливалось по телу, заполняло пустоту, которую он носил в себе столько лет.

Он знал: это воспоминание. Знал, что здесь он просто чужой. Что настоящий Миша, тот, кому сейчас десять или одиннадцать, спит в своей кровати и видит сны. А он, уже взрослый, со шрамом на груди и чужим сердцем внутри, пришёл сюда, как вор. Украдший сам у себя собственное прошлое.

Но он не мог уйти. Не сейчас.

После ужина отец сел на крыльцо и закурил. Миша вышел к нему. Они сидели молча, глядя на звёзды. Где-то далеко лаяла собака. Где-то стрекотали сверчки.

—
Пап, — сказал Миша.

—
Что?

—
Я... я рад, что ты есть.

Василий Петрович повернулся и посмотрел на него. Долго. Внимательно. Потом улыбнулся, но не усмешкой, а по-настоящему.

—
Я тоже, сынок. Я тоже.

Миша закрыл глаза. АС-2 в груди сжался. Якорь почти разорвался. Он знал: пора. Ещё минута и он останется здесь. Растворится в воспоминании. Потеряет себя. Снова.

Он открыл глаза. Отец всё так же сидел рядом, смотрел на звёзды. Пашка спал в своей кровати. Мать мыла посуду на кухне. Собака лежала у забора, положив голову на лапы.

—
Мне пора, — сказал Миша.

—
Знаю, — ответил отец. Он не обернулся. — Ты всегда уходишь. Но ты всегда возвращаешься.

Миша встал. Колени дрожали. Он сделал шаг прочь от крыльца, и мир вокруг начал меркнуть. Не гаснуть, а именно меркнуть, как будто кто-то медленно выкручивал лампу. Дом, двор, собака, звёзды, всё растворялось в серой дымке.

Последнее, что он увидел, это был отец на крыльце. Он поднял руку. То ли прощаясь. То ли благословляя.

Темнота.

Миша стоял в пустоте. Шар перед ним всё так же висел, но теперь он не был тёплым. Он был просто экраном. Просто окном. Просто дверью, которую он открыл и закрыл.

Он прижал ладонь к груди. АС-2 пульсировал ровно. Тик-так. Тик-так.

Он помнил всё. Пироги с капустой. Велосипедное колесо на перилах. Отца с рубанком. Пашку с царапиной на коленке. Мать в ситцевом фартуке. Он помнил их лица. Их голоса. Их тепло.

Это была его жизнь. Настоящая. И никто не мог её отнять.

Он вытер глаза и пошёл дальше. К следующему шару. К следующему миру. Он не знал, что ждёт его впереди. Но теперь он знал, он помнил, он не был один никогда. Не тогда, не сейчас.

Темнота приняла его обратно. Миша шёл сквозь неё, и теперь тишина не давила. Она стала фоном, как гул вентиляции в коридорах Центра, как шум ветра за окном барака. К ней привыкаешь. Ко всему привыкаешь, если живёшь достаточно долго.

Пройдя ещё немного, он остановился. Прижал ладонь к груди. АС-2 работал ровно, но что-то изменилось. Прибор больше не сжимался. Он не предупреждал. Он просто работал как сердце, которое наконец приняло свою судьбу.

Миша думал о том, что видел. Детство. Дом. Отец, мать, Пашка. Всё это было настоящим. Всё это у него украли, они все стёрли, как стирают мел с доски, чтобы написать новую ложь. Он прожил эти воспоминания заново, и теперь они жглись в груди, не болью, а чем-то другим. Чем-то, для чего он не мог подобрать названия. Благодарность? Горечь? И то, и другое.

Он пошёл дальше. Шары всё так же висели вокруг, но теперь их было тысячи. Они мерцали, звали, шептали. Но теперь Миша не спешил. Он знал: следующий шар будет другим. Не чужим миром. Не воспоминанием о прошлом. Чем-то ещё.

Он увидел его издалека. Этот шар отличался от остальных, он был размером с колесо. Он не мерцал, не переливался. Он был ровным, матовым, как жемчужина. И от него не исходило ни тепла, ни холода. Только ожидание.

Миша подошёл. Внутри шара что-то было, не то картинка, не то тень. Скорее ощущение. Как будто кто-то смотрел на него с той стороны и ждал. Долго. Терпеливо.

Он коснулся поверхности.

Перехода не было. Вспышки не было. Просто в какой-то момент он понял, что уже не в темноте. Он стоял на знакомой улице. Серые пятиэтажки. Голые деревья. Пустые тротуары. Бархан-10. Но не тот, который он знал. Этот был моложе. Воздух был холоднее. Небо висело ниже.

Он узнал это время. Три года назад. Он только вернулся из Гигахрущевки — пустой, без памяти, без прошлого. Его только что перевели из Медицинского отдела в оперативный. Он был новичком. Чистым листом.

Миша стоял у здания газовой службы и смотрел, как из дверей выходит он сам. Моложе. Шрам уже был это его отметина, АС-2 уже стоял в груди и работал исправно. Но взгляд был другим. Пустым. Растерянным. Так смотрит человек, который не помнит, кто он, но пытается это скрыть.

Рядом с ним шёл Василий Петрович. Уже седой, уже уставший. Он что-то говорил, но Миша не мог расслышать слов, но помнил этот разговор. Старик объяснял ему маршрут патрулирования. Буднично. Спокойно. Как будто перед ним был обычный оперативник, а не его сын, которого он потерял и нашёл, но не мог узнать.

Миша смотрел на них и думал о том, сколько боли было в этом молчании. Василий Петрович знал. С первого дня знал. И ничего не сказал. Не потому что не хотел, просто потому что не мог. Потому что Директор приказал молчать. Потому что правда могла разрушить Мишу. И старик выбрал молчать но быть рядом. Каждый день. Годами.

Видение сменилось.

Теперь он стоял в кабинете оперативного отдела. За столом сидел Саша, всё такой же молодой, рыжий, с вечной усмешкой. Он запомнил его таким. Саша что-то печатал на машинке, ругался, комкал листы и бросал их в корзину. Миша сидел напротив, тогда ещё зелёный оперативник. Он смотрел на Сашу и не знал, что этот парень станет ему другом. Что он будет писать письма мёртвой сестре. Что он пойдёт в Гигахрущевку и не вернётся.

Саша поднял голову и, не глядя на Мишу, сказал:

—

Слышь, новенький. Как думаешь, есть что-то после смерти?

Миша тогда не ответил. Тогда он не знал. Но теперь всё по-другому. Есть темнота. Есть шары. Есть воспоминания, которые хранятся где-то между мирами и ждут, пока кто-то их коснётся. Возможно, это и есть рай? Или ад?

Видение сменилось снова. Быстрее. Как монтаж.

Вот он стоит перед Анной, в самую первую встречу. Она в строгом костюме, с папкой в руках. Снимает туфли под столом. Улыбается. «Можно просто Миша».

Вот они идут по вечернему Бархану-10. Она босиком, с туфлями в руке. И тёплое, скромное, зарождающееся доверие между ними.

Вот она в зелёном халате. Их первая ночь. Он стоит у окна, она подходит сзади и кладёт руки на плечи. «Я хочу, чтобы ты расслабился».

Вот она на подоконнике. Чужие глаза. Чужой голос. «Вспоминай, боец».

Вот её тело в хранилище. За стеклом. В инее.

Миша закрыл глаза. Он не мог больше смотреть. Но видения не исчезли, все теперь они были внутри него. Они всегда были внутри него. Просто теперь он помнил.

Когда он открыл глаза, он снова стоял в темноте. Шар перед ним погас. Он был пустым, теперь это просто стеклянная сфера, в которой ничего не было. Или было, но теперь ушло. То, что хранилось в этом шаре, перешло в него.

Он помнил всё. Детство. Юность. Первую службу. Первую встречу с заражением. Как стал начальником оперативного отдела. Отец безумно им гордился. Как повёл группу в Гигахрущевку. Как потерял всё.

Теперь он знал: темнота не просто хранит воспоминания. Она хранит личности. Души. Всё, что было прожито и потеряно, остаётся здесь. В этих шарах. В этой пустоте. И может быть, но только может быть, здесь есть и Саша. И отец. И все, кого он потерял.

Он пошёл дальше. Он не знал, сколько ещё идти. Но теперь он знал, что ищет. Не просто выход. Не просто способ вернуть Анну. Он ищет их. Всех. Кого можно вернуть.

АС-2 пульсировал ровно. Тик-так. Тик-так.

Впереди замерцал новый шар. Этот был другим. Не тёплым, не холодным. Но знакомым. Миша замедлил шаг. Он узнал очертания внутри, знакомые улицы, дома, деревья. Это был не его мир. Но он уже видел его раньше. В видениях, которые посылал Проводник. Во снах.

Это был мир Проводника.

Он подошёл ближе. Шар был большим, почти в человеческий рост. Внутри двигались люди. Обычные люди. Они шли по улицам, разговаривали, смеялись. Над городом висело серое небо с красноватыми прожилками. Пахло горячим металлом и сухими травами.

Миша стоял и смотрел. Он знал: это не воспоминание. Это настоящее. Где-то там, за гранью, этот мир существует прямо сейчас. Живёт. Дышит. Умирает — медленно, неумолимо, отравленный заражением, которое пришло из нашего мира.

Он протянул руку. Пальцы коснулись поверхности.

И мир Проводника принял его.

Глава 3.

Переход был мягким. Не удар, чувство похожее на скольжение. Как будто темнота раступилась и впустила его, нехотя, с ленцой. Миша открыл глаза и увидел небо.

Оно было серым, с красноватыми прожилками, точно такое, как в его видениях. Точно такое, каким он запомнил его, когда Проводник впервые показал ему свой мир. Только теперь он был здесь не гостем, не наблюдателем. Он стоял на той самой улице, которую видел из темноты. Под ногами был камень, он тёплый, шершавый, как известняк. Воздух пах горячим металлом, сухими травами и чем-то сладковатым. Озоном. Как после грозы.

АС-2 в груди сжался, но не от боли, а от странного чувства. Узнавания. Прибор знал это место. Он уже был здесь, не физически, но как-то иначе. Через связь с Проводником. Через чип, который тот перенёс в него на крыше реактора.

Улица была живой. Люди шли по своим делам, здесь были мужчины в простых куртках, женщины с сумками, дети, бегущие куда-то по своим неотложным детским делам. Никто не смотрел на Мишу. Он был чужим, но не настолько, чтобы привлекать внимание. Одежда, его чёрный костюм, белая рубашка, все это не выделялось, но не шокировало. Здесь, кажется, видели и не такое.

Он двинулся вперёд. Дома по обе стороны были сложены из светлого камня, не то бетон, не то кирпич, что-то среднее. Линии были плавнее, чем в советской архитектуре, окна были шире. На подоконниках стояли горшки с растениями, но не цветами, а чем-то похожим на папоротник, только с фиолетовыми прожилками. Миша провёл рукой по стене — камень был тёплым и чуть пористым. Он чувствовал его кончиками пальцев. Настоящий. Не видение. Не сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.